

УДК 81-139:378

**Судьба-Режиссер, Судьба-Заемодавец и Судьба-Судья  
в произведениях М. Ю. Лермонтова**

**Иванова Н. П.**

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,  
г. Симферополь, Украина*

*В статье рассматриваются средства репрезентации концепта ‘Судьба’ в произведениях М. Ю. Лермонтова. Особое внимание уделяется таким ипостасям Судьбы, как Судьба-Режиссер, Судьба-Заемодавец и Судьба-Судья, занимающим важное место в лермонтовском творчестве.*

*В ходе анализа описывается интерпретационное поле концепта ‘Судьба’, посредством чего определяются особенности ментальных пространств автора и его героев.*

**Ключевые слова:** концепт, индивидуальная концептосфера, ментальное пространство автора, когнитивная метафора, концепт ‘Судьба’.

*Постановка проблемы.* Изучение ментального пространства автора невозможно без обращения к индивидуальной концептосфере того или иного художника. В. А. Маслова называет концепт основополагающим элементом картины мира и считает, что «предметом поисков в когнитивной лингвистике являются наиболее существенные для построения всей концептуальной сферы концепты – те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения. К таким концептам относятся ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЧИСЛО, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СВОБОДА, ВОЛЯ, ИСТИНА, ЗНАНИЯ и под.» [5, с. 51]. Представляется, что концепт ‘Судьба’ также может быть включен в этот ряд, так как в современной лингвистике концепт определяется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [6, с. 41]. А в каждой культуре отношение к такому основополагающему и многоуровневому понятию, как «судьба», является ключом к раскрытию миропонимания, ментальности и теологических воззрений народа.

Анализ репрезентации концепта ‘Судьба’ представляется очень важным и для понимания мировоззренческих позиций писателя или поэта, что является значимым шагом к постижению авторской картины мира в целом – в этом видится актуальность стоящей перед нами проблемы.

В связи с этим целью настоящей статьи является анализ репрезентации концепта ‘Судьба’ в творчестве М. Ю. Лермонтова. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) выделить и описать основные роли Судьбы, реализованные в лермонтовских произведениях; 2) рассмотреть когнитивные метафоры, расширяющие околоведущую зону концепта ‘Судьба’.

Повышенное внимание М. Ю. Лермонтова к указанной грани мировосприятия очевидно. Об этом свидетельствуют данные частотного словаря Лермонтовской энциклопедии (слово «судьба» употребляется в произведениях поэта 278 раз, рок – 50, роковой – 84) или, к примеру, факт завершения романа «Герой нашего времени» повестью «Фаталист». Кроме того, осмыслинию темы судьбы и рока отведено значи-

тельное место в ряде произведений поэта, о чем говорят многие литературоведы, в частности, П.А. Висковатов, Г.М. Фридлендер.

Анализ особенностей репрезентации концепта ‘Судьба’ в лермонтовском творчестве позволяет сделать вывод о том, что он является многоуровневым и полифункциональным, обладает как плотным ядром, так и широким интерпретационным полем.

Облики, ипостаси, функции Судьбы или, другими словами, индивидуально-авторские варианты содержания этого концепта проанализированы в труде Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека» (1999). Исследователь описывает пять ролей судьбы: Судьба-Распределитель, Судьба-Игрок, Судьба-Режиссер, Судьба-Заимодавец, Судьба-Судья. В произведениях М. Ю. Лермонтова реализованы все эти роли, но явное предпочтение отдано Судьбе-Игроку: подавляющее большинство упоминаний о судьбе или роке можно отнести именно к этому варианту метафорического содержания рассматриваемого концепта.

Судьба-Распределитель и Судьба-Игрок действуют вслепую и наугад. Их сближает отсутствие причинно-следственных связей между совершенными человеком поступками и воздаянием за содеянное, что отделяет эти модели судьбы от христианского мировоззрения. Однако Судьба может открыть глаза и превратиться в Судьбу-Режиссера, определяющую роли подвластных ей актеров. Человек пока что не обладает свободой воли, но у него появляется предназначение, которое обязательно должно осуществиться:

Он был рожден для счастья, для надежд  
И вдохновений мирных! [4, Т. 1, с. 454].

Судьба-Режиссер направляет действия человека, и тогда мы встречаем выражение «рука судьбы» («Мцыри») [4, Т. 2, с. 86].

Итак, в рамках этого варианта репрезентации концепта ‘Судьба’ каждый человек получает свою роль уже при рождении: «Мы с тобою дети рока» («Хаджи Абрек») [4, Т. 2, с. 339]. Предназначение определяет характер человека и систему его ценностей: ...Но не смею

Вас уверять, затем, что не рожден  
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,  
Как люди ценят вещи на престоле («Сашка») [4, Т. 2, с. 387].

Иногда внешние условия вступают в противоречие с тем, как человек сам ощущает свою роль и свое место в этом мире, и тогда мысль о наличии собственного предназначения, а значит, собственной значимости, помогает ему жить:

Но всех равно влечет судьба,  
И под одежду раба,  
Но полный жизнью молодой,  
Я человек, как и другой («Боярин Орша») [4, Т. 2, с. 361].

И, наконец, необходимо отметить, что именно Судьба-Режиссер сближается в сознании человека с Богом:

И говорил: всесильный Бог,  
Ты видеть будущее мог,  
Зачем же сотворил меня? («Азраил») [4, Т. 2, с. 210].

Судьба-Заимодавец, в отличие от Судьбы-Режиссера, дает человеку не предопределение, а призвание или дар. Человеческая жизнь становится служением этому дару. В рамках действия этой модели цель Судьбы и цель человека впервые совпадают:

Свершить чего-то! – жаждя бытия  
Во мне сильней страданий роковых («1831 июня 11 дня») [4, Т. 1, с. 339].

Человек отчетливо чувствует, что Судьба ведет его по избранному пути, помогает ему:

Ну, лихо! Сделан первый шаг!

Теперь душа моя в покое, -

Судьба окончит остальное! («Монго») [4, Т. 2, с. 428].

Однако эта функция Судьбы реализована в лермонтовских произведениях лишь в единичных случаях. Гораздо чаще мы встречаем в них экспликацию модели Судьбы-Судьи, наиболее отвечающей христианскому мировоззрению. По Н. Д. Арутюновой, «понятие суда имплицирует наличие закона, который каждый человек волен блюсти или нарушать» [1, с. 627]. Это уже Божий заповеди, и нарушивший их «человек выступает в роли ответчика» [1, с. 672]. И тогда это уже не игра, не распределение жизненных благ или ролей и даже не предопределение или призвание. Это окончательный приговор:

Всевышний произнес свой приговор,

Его ничто не переменит («К...») [4, Т. 1, с. 341].

Приговор выносит Бог, а затем осуществляет его посредством пророчества. Белинский из драмы «Странный человек» вопрошает: «Разве ты не веришь в пророчество? Разве отвергаешь существование бога, который все знает и всем управляет?» [4, Т. 3, с. 320]. Человек же осознает неизбежность этого суда (отсюда и выражение «мне суждено»), но в случае, если он уверен в праведности своего поступка, он смело вверяет себя этому суду, как делает это купец Калашников:

Чему быть суждено, то и сбудется:

Постою за правду до последнева! («Песня про купца Калашникова») [4, Т. 2, с. 18].

Если же человек согрешил, он может принимать справедливость приговора, как это делает Мцыри («Да, заслужил я жребий мой!» [4, Т. 2, с. 93]) или упрекать небо в его осуществлении:

Зачем же небо довело меня

До этого? Бог знал заранее все:

Зачем же он не удержал судьбы?..

Он не хотел! («Испанцы») [4, Т. 3, с. 175].

Следовательно, осуществляемый в христианской философии «перенос функциональных особенностей собственно рока на верховное существо, с одной стороны, выводит его из-под власти жребия, но с другой стороны — вводит в систему жестких причинно-следственных связей, что в итоге и проявляется в парадоксе ограничения свободы воли в рамках христианского мировоззрения. Таким образом, воздаяние как фатум оказывается связанным с проблемой свободы воли и системой реальностей, возникающих в сферах проявления этой свободы» [3, с. 15].

Итак, сама идея воздаяния является одним из основополагающих постулатов христианской философии и трактуется М. Ю. Лермонтовым именно как таковая. Последнее доказывает эпизод повести «Фаталист» из романа «Герой нашего времени», когда есаул убеждает сдаться казака, убившего Вулича: «Побойся бога! Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебе попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!» [4, Т. 4, с. 140]. Таким образом, «честный христианин» должен осознать свою вину и беспрекословно подчиниться суду, в первую очередь, Божьему.

В творчестве М.Ю. Лермонтова нашли отражение еще два очень важных для христианского мировоззрения акта, определяющих судьбу человека: молитва и проклятие. Молитва призвана смягчить приговор Всевышнего. Вспомним лермонтовский портрет Вареньки Лопухиной, запечатленной в образе Мадонны, и посвященное ей стихотворение:

...Не за свою молю душу пустынную,

За душу странника в мире безродного;

Но я вручить хочу деву невинную

Теплой заступнице мира холодного («Молитва») [4, Т. 1, с. 34].

Проклятие же, напротив, имеет своей целью ухудшение жизненного сценария. Интересно, что и текст молитвы, и текст проклятия – это, по сути, вербальная картина судьбы человека, о котором молятся или которого проклинают. В «Молитве» это «молодость светлая, старость спокойная, сердцу незлобному мир упования» [4, Т. 1, с. 34]. А, к примеру, в «Ауле Бастунджи» читаем:

Да упадет проклятие людей  
На жизнь Селима. Пусть в степи палящей  
От глаз его сокроются лучи.  
Пускай булат в руке его дрожащей  
Изменит в битве; и в кругу друзей  
Тоска туманит взор его блестящий;  
Пускай один, бродя во тьме ночной,  
Он чей-то шаг все слышит за собой [4, Т. 2, с. 331].

В связи с этим чрезвычайно интересно, что в «Фаталисте» мать убийцы описана следующим образом: «Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?» [4, Т. 4, с. 140]. Этот вопрос М. Ю. Лермонтов оставляет открытым. Видимо, поэт верил как в силу молитвы, так и в силу проклятия, потому что, обращаясь к Н. Ф. Ивановой, он писал:

Ты изменила – бог с тобою!  
О нет! Я б не решился проклянуть!  
Все для меня в тебе святое... («К\*\*\*») [4, Т. 1, с. 341].

В целом же анализ реализации моделей судьбы в творчестве М. Ю. Лермонтова позволяет констатировать сосуществование в рамках одного концепта восточных (сценарий Судьбы-Игрока и Судьбы-Распределителя) и западных (экспликация ролей Судьбы-Режиссера, Судьбы-Заимодавца и Судьбы-Судьи) культурных традиций. И это вполне закономерно для российского общества первой половины XIX века, бесспорно, увлеченного культурой Востока (об этом свидетельствуют элементы ориентализма в произведениях А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, О. И. Сенковского). Сам М. Ю. Лермонтов так писал об этом в «Валерике»:

...Мой крест несу я без роптанья:  
То иль другое наказанье?  
Не все ль одно. Я жизнь постиг;  
Судьбе, как турок иль татарин,  
За все я ровно благодарен;  
У бога счастья не прошу  
И молча зло переношу.  
Быть может, небеса Востока  
Меня с ученьем их пророка  
Невольно сблизили [4, Т. 1, с. 90].

*Вывод.* Таким образом, анализ реализации концепта ‘Судьба’ в творчестве М. Ю. Лермонтова позволяет сделать вывод о поликультурности авторского ментального пространства, а существующая актуальность этой проблемы свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

### **Список литературы**

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество / П. А. Висковатов. – М., 1987. – 451 с.

3. Кива-Хамзина Ю. Л. Філософський аналіз проблеми воздаяння: онтологіческі аспекти. Автореферат дисертації на соисканіє ученої ступені кандидата філософських наук [Електронний ресурс] / Ю. Л. Кива-Хамзина. – Режим доступу: [http://science.masu.ru/index.php/dok-publ/doc\\_download/237](http://science.masu.ru/index.php/dok-publ/doc_download/237)
4. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4-х томах / М. Ю. Лермонтов. – М.: Художественная литература, 1976.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
7. Фридлендер Г. М. Лермонтов и русская повествовательная проза / Г. М. Фридлендер // Русская литература. – Л., 1965. – №1. – С. 33-50.
8. Ященко Т. А. Каузация в русском языковом сознании / Т. А. Ященко. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2006 . – 478 с.

**Іванова Н. П. Доля-Режисер, Доля-Позикодавець і Доля-Суддя у творах М. Ю. Лермонтова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.478-482**

У статті розглядаються засоби репрезентації концепту ‘Доля’ у творах М. Ю. Лермонтова. Особлива увага приділяється таким іпостасям Долі, як Доля-Режисер, Доля-Позикодавець і Доля-Суддя, які займають важливe місце в лермонтовській творчості.

У ході аналізу описується інтерпретаційне поле концепту ‘Доля’, за допомогою чого визначаються особливості ментальних просторів автора і його герой.

**Ключові слова:** концепт, індивідуальна концептосфера, ментальний простір автора, когнітивна метафора, концепт ‘Доля’.

**Ivanova N. The fate-the Director, the Fate-the Creditor and the Fate-the Judge in the works of M. Y. Lermontov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.478-482**

The article covers the means of representation of the concept of ‘Fate’ in the works of M. Y. Lermontov. Special attention is given to such manifestations of Fate, as Fate- the Director, Fate-the Creditor and the Fate-the Judge, occupying an important place in the Lermontov’s work. In every culture related to such fundamental and multi-level concept like “fate” is the key to unlocking the outlook, mentality and theological views of the people. In the work of M. Lermontov reflected and two more very important for the Christian worldview act of determining the fate of a man: a prayer and a curse. Prayer is intended to mitigate the sentence of God. Curse, alternatively, is intended to deterioration life scenario.

In the course of the analysis is described interpretation field of the concept of ‘Fate’, by means of which shall be determined by the peculiarities of the mental spaces of the author and his characters. An analysis of the concept of ‘fate’ in the works of Mikhail Lermontov suggests multiculturalism copyright mental space, and the current relevance of this problem points to the need for further research.

**Key words:** concept, individual conceptual sphere, the mental space of the author, cognitive metaphor; the concept of ‘Fate’.

Поступила в редакцію 14.04.2013 г.